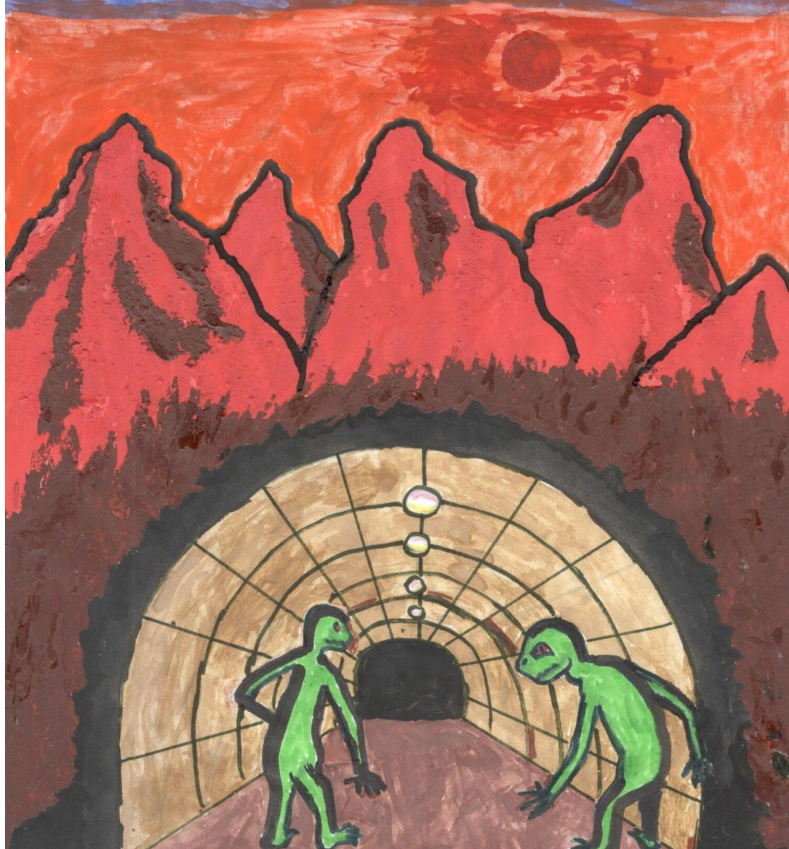

Сергей Кравцов (Михалыч)

ТАЛИСМАН

спасателя Бекакина

Сергей Михайлович Кравцов

Талисман спасателя Бекалина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64059671

SelfPub; 2023

Аннотация

Конец нынешнего, двадцать первого века. Человечество успешно осваивает космос. В первой части повести повествуется о начале звёздного пути космического спасателя Дениса Бекалина – недавнего выпускника вуза космического профиля, о его "боевом крещении", когда он и его товарищи успешно выручили в трудной ситуации экипаж космического "грузовика". Не менее успешно команда спасателей сработала и на Марсе, и в открытом космосе, где могли погибнуть люди. А ещё спасатели участвуют в совершенно немыслимой, фантазмагорической операции по спасению Земли от гигантского астероида. Не приходится спасателям скучать и в дальнейшем. Приняв участие в охоте на загадочный космический объект, они случайно попадают в какой-то невероятный мир, полный тайн и загадок. Им становится известно, что замеченная ими планета – по сути, двойник Земли. Но на Руаманту (так она называется) когда-то произошла жуткая биологическая катастрофа. Её обитатели на грани вымирания. И наши герои отправляются им на выручку...

Сергей Кравцов

Талисман

спасателя Бекакина

Глава 1

ЗАГЛЯНУТЬ В НУТРО ДРАКОНА

Где-то, в далёком космосе... Неспешно шагаю по металлическому боку космической «баржи». Цоканья магнитных ботинок я не слышу, но ощущаю ногами микровибрации от соприкосновения подошв обуви с громадиной межпланетного корабля. Это мой самый первый полёт в глубины космоса. Ну, глубины эти относительные. Тут уж – кому как. Если конкретно, то мы находимся где-то на полпути от орбиты Земли до орбиты Марса. Поэтому сказать «относительно далеко» могут лишь мои спутники по экипажу нашего спасательного корабля «Эльбрус» (серия «Север-три»), которые работают в космосе уже не первый год. А вот для меня... То место, куда я попал, для меня лично, можно сказать – чрезмерно, абсолютно далеко. А то ж! Глядя в ту сторону, где сейчас должна быть наша добрая, тёплая, уютная Земля, я, буквально, физически ощущаю жуткую, бездонную пропасть, отделяющую меня от нашего большого космического дома.

Но эмоции эмоциями, а о своих прямых обязанностях забывать негоже. Как специалист по биологическим угрозам, я «на всякий пожарный случай» обследую сканером-анализатором поверхность корабля и «прозваниваю», насколько для этого хватает мощности сканера, внутренние полости этой «баржи». Но сканер молчит, на его светящемся изумрудными оттенками мониторе один и тот же текст: «Биологических и иных угроз не обнаружено». Ну и замечательно! К тому же, откуда им тут взяться, этим самым биологическим угрозам? Приближаюсь к кормовому, двигательному отсеку. Он большего диаметра, чем сама «баржа». Ступаю на корпус отсека двигательной установки. Акустическая система приятным женским голосом тут же уведомляет:

– Внимание! Вы в зоне повышенного радиационного фона...

Дальше идёт перечисление параметров гамма-излучения. Это же самое высвечивается и на мониторе, который из зелёного становится жёлтым. Но это не страшно, это, как бы, в пределах понятного и допустимого: двигательная установка у «баржи» ядерная, так что, «фонить» она будет в любом случае. Тем более, что и окружающее нас пространство основательно насыщено достаточно жёсткой космической радиацией, интенсивность которой никак не ниже, чем у этого «движка». Однако когда я приближаюсь к середине двигательного отсека, монитор сканера внезапно вспыхивает угрожающим багрово-красным цветом. На нём высве-

чивается: «Внимание! Чрезвычайная биологическая угроза неопределённого характера! Внимание! Вы находитесь в очень опасной зоне!..» Одновременно с этим аудиосистема выдаёт тревожный сигнал и повторяет устно всё то, о чём известило текстовое сообщение на мониторе.

Обалдеть! Я испытываю некоторую даже оторопь – что за ерунда? Какая может быть биологическая угроза в открытом космосе?! Но сканер – прибор надёжный, в его работе ошибки исключены. С какого-то момента у меня вдруг появляется ощущение того, что я иду по брюху задремавшего дракона, который в любое мгновение может проснуться. Нехилое приключение для стажёра!

* * *

...Да, действительно, моя полугодовая стажировка на корабле КСС (Космической службы спасения) ещё не закончилась, а мне уже выпало стать участником достаточно продолжительного вояжа в дальний космос. Согласимся, что слетать неведомо куда – это не «веником махать» на околоземных орбитах, убирая космический мусор. Первый, дальний полёт... Мы отправились в путь-дорогу после непредвиденного ЧП с одной из космических «барж», курсирующих между Землёй и поясом астероидов. Сигнал бедствия поступил с американского грузового корабля «Йеллоу кэт», который следовал к Земле с грузом руды. По каким-то причинам у него вдруг отказала ядерная двигательная установка (ЯДУ). Просто: заглохла, и – капут!

Впрочем, учитывая тот факт, что аварийная «баржа» принадлежала американцам, нам напрягаться, как бы, было и незачем: у них есть своя, точно такая же спасательная служба. Так что, им, как говорится, их звёздно-полосатый флаг в руки и на шею барабан. Но, тем не менее, сыны Штатов обратились именно к России с просьбой оказать срочную помощь «барже», которая, сбросив темп движения до первой космической, в режиме инвалидной коляски тащилась где-то между орбитами Марса и Земли.

И было яснее ясного, почему они попросили именно нас. Да, американские корабли тоже оснащены ядерными двигательными установками. А с недавних пор, они, как и мы, разработали плазменную защиту. Но! Если наши корабли серии «Север-три» (уже третьего поколения!), дают до десяти-двенадцати третьих космических на «спринте» (сто двадцать – сто сорок км в секунду), то у них – ещё «двоячка», дающая не больше пяти-шести. Кроме того, их плазменная защита на максимальных скоростях иногда теряет свою плотность, и поэтому, при определённых условиях, их спасательный корабль, запросто, сам может оказаться терпящим бедствие.

Стоит сказать, «баржи» (хоть, наши, хоть чьи-то ещё) – вовсе не из скоростных судов. Максимум, они выдают три-четыре третьи космические. А от Земли до пояса астероидов, примерно, сто восемьдесят миллионов км (дальше, чем до Солнца). Да и сам он, этот пояс, имеет ширину аж в астрономическую единицу (!!!). Поэтому летать туда за сырьевы-

ми ресурсами (два-три месяца в один конец даже на ядерной двигательной установке) риск немалый. Туда отправляются, или уж, совсем оскудевшие умом (за рубль везти из-за моря телушку, стоящую там полушку), или, наоборот, слишком умные – точно знающие, где и чего можно накопать на астероидах. Чаще всех летают американцы и японцы. Несколько раз уже летали и наши. Кстати, сгоняли очень удачно: свою промышленность лет на пару вперёд обеспечили иридием, платиной и многими редкоземельными.

Для экипажей «барж» полёт к астероидам – испытание непростое. Можно с ума сойти от тоски зелёной, порождённой бездельем и круглосуточным пребыванием в замкнутом пространстве. Благо, медицина научилась вводить людей в искусственный анабиоз. Теперь всю дорогу члены экипажа по очереди спят, бодрствуют только двое сменных дежурных. И именно поэтому, когда контрольные приборы известили дежурных «Йеллоу кэт» о том, что их ЯДУ (ядерная двигательная установка) не подаёт признаков жизни, те разбудили капитана и техников. Спецы, надев скафандры, вышли в открытый космос и добрались до двигательной установки. Но причину её отказа установить так и не смогли. Ядерного горючего в реакторе было предостаточно, сама установка видимых повреждений не имела. И, тем не менее, двигатель молчал.

Вняв просьбе «партнёров», в нашем ЦУПе были сделаны все необходимые расчёты, и выяснилось следующее. Как

изначально рассчитывается навигаторами владельцев любой «баржи», она должна прибыть к орбите Земли именно в тот момент, когда наша планета в своём бесконечном путешествии вокруг Солнца приблизится к этой самой точке пространства. Но теперь-то, поскольку график полёта из-за аварийной ситуации был нарушен, к земной орбите «баржа» пришкандыляет с большим опозданием. А наша планета к этому моменту – тю-тю, улетит дальше, по своему небесному пути. Земля – не такси, она ждать не будет. Для «баржи», в таком случае, самый реальный выход – лететь навстречу Земле, причём, по хорде, пересекая орбиту Венеры. Правда, если только хватит ядерного горючего и всяких иных ресурсов... О, морoka!

Поэтому, с учётом реальной обстановки, единственным выходом в такой ситуации мог быть только срочный, на форсаже, вылет в сторону терпящих бедствие, с прицелом на опережение нашей планеты. Поскольку Земля точку встречи с «баржей» минует раньше, чем туда смогут вернуться спасатели, на обратном пути её придётся догонять. И если «Север-три» в состоянии сделать это достаточно быстро, то американский спасательный корабль «Спейс дэвил» догонять будет долго и безнадежно, причём, в условиях дефицита продуктов питания и кислорода на своём борту...

Осложняло ситуацию ещё и то, что американцы обратились к нам, когда все сроки уже были упущены. Нет бы, попросить помощи сразу же, как только «забастовал» реактор.

Но они чего-то тянули, чего-то всё выжидали... Может, надеялись, что ситуация с поломкой сама собой «рассосётся»? Не «рассосалась»... И поэтому нам пришлось в пожарном порядке мчаться к их «барже».

На сборы и подготовку нам дали не более часа, хотя, мы просили, минимум, три. Но с начальством не поспоришь. По рекомендации ЦУПа мы загрузили дополнительные объёмы кислорода и продовольствия, после чего стартовали в сторону «Йеллоу кэт». Чтобы иметь хороший запас времени, наш командир экипажа задал самый высокий, «спринтерский» темп полёта.

Для меня, конечно, происходившее в те дни было, одновременно, и поводом к дикому восторгу (наконец-то и мне выпало поучаствовать в настоящей спасательной экспедиции!!!), и поводом ощутить холодок меж лопаток (а, ну, как сами не сумеем вернуться?!!). Когда Земля осталась далеко позади, наш корабль, непрерывно наращивая скорость, при ускорении в три-четыре g, всё быстрее и быстрее мчался в непроглядно-чёрное никуда. Немыслимо мощная (по старой шкале измерений – в десятки миллионов лошадиных сил) ядерная двигательная установка, исторгая нестерпимо яркую струю плазмы, без труда могла бы дать ускорение и в двадцать g. Но тогда вместо спасателей к «барже» прилетел бы сверхскоростной «катафалк» с нашим бездыханным экипажем...

Преодолевая на максимуме своей скорости около четы-

рѳхсот тысяч километров в час (до Луны таким ходом можно было бы домчатъся минут за пятьдесят) «Эльбрус» к месту предполагаемой аварии «баржи» должен был доставить нас, с учётом времени разгона и торможения, часов за девяносто. То есть, в реальности, на всё – про всё, туда и назад, у нас выходило не менее десяти земных суток.

Ёлки-моталки! Как же легко оперировать всеми этими миллионами километров, находясь дома и, глядя по телевидению новый сериал о похождениях космических археологов, которым раз плюнуть, чтобы выбратъся куда-то за пределы заледенелого Плутона, и там, на некой странной планете (Солярис Лема – отдыхает!) найти чудеса, выходящие за всякие рамки здравого смысла. А вот когда сам, и не в мыслях, не в мечтах, а в реальности летишь с жуткой, чудовищной скоростью чѳрт знает куда, ощущаешь перипетии этого, не самого долгого путешествия совсем иначе... Чем занимались в дороге? Учитывая, что лететь до «Йеллоу кэт» чуть больше четырёх суток, ложиться в анабиоз не стал никто. Время, свободное от вахты, убивали – каждый по-своему. Кто-то работал с эспандерами (впрочем, эта процедура – хоть дома, хоть в пути, строго обязательна: суммарно, минимум три часа в сутки отработать обязан каждый), кто-то читал, кто-то слушал в аудиозаписи электронные книги, кто-то смотрел учебные и приключенческие фильмы, кто-то «резался» в шахматы... Я, как доктор своего экипажа (год стажировался в «универе» на лекаря), помимо всего проче-

го, следил за режимом питания, сна и физических нагрузок.

И вот, по прошествии всех этих суток полёта (которые нам показались неделями!), мы вновь начали ощущать нарастание массы своего тела. Началось торможение. В нужной точке пространства наш корабль начал смещаться вбок и, описав огромную дугу, вернулся на обратный курс. Догнав «баржу», «Эльбрус» пошёл с ней на сближение. Минут через сорок мы ощутили лёгкий толчок, после чего механический голос сообщил:

– Есть касание! Закрепление на поверхности объекта выполнено. Шлюзовой отсек для выхода в космос готов!

Конечно, было бы лучше состыковать причальные шлюзы, и перейти из одного корабля в другой. Но, как уведомила электроника, стыковочный узел этой «баржи» был не из унифицированных, общепринятых. Он оказался «особого», «западного» диаметра. Ещё во время моей учёбы в УЛКС (университет лётного космического состава) нам рассказывали, что одна из западных корпораций, стоящих космические «баржи», желая показать свою «самость», намастрячила стыковочные узлы большего диаметра. Вроде того, нам на ваши стандарты – тьфу! Мы – особые! Мы – круче всех! Вот теперь сами же и мучаются. «Барж» с такими узлами всего около десятка. И, как назло, именно с ними всякие ЧП и происходят. Их же экипажи и поминают своих «новаторов» недобрым словом.

Услышав сообщение робота, мы начали готовиться к де-

сантированию на «баржу». В этот момент робот снова сообщил:

– Связь с экипажем корабля «Йеллоу кэт» установлена.

Тут же на мониторах появился бородач с пышной шевелюрой, в тёмных очках, который, помахав рукой, произнёс на своём родном «аглицком»:

– Хэллоу! Я – Джордж Квинсли, капитан корабля «Йеллоу кэт»». Вы – спасатели, прибывшие нам на выручку? – утвердительно спросил он.

Наш командир ответил ему тоже на английском (в отличие от большинства американцев, каждый из нас владеет, минимум, парой иностранных языков):

– Да, мы – экипаж российского спасательного корабля типа «Север-три», персонально именуемого «Эльбрус», прибыли вам помочь. Я – командир экипажа, Владимир Максимов. Рад вас приветствовать. Для начала вопрос: какую именно помощь вы хотели бы от нас получить? Вам нужно помочь в восстановлении работоспособности двигательной установки, или вы хотели бы эвакуироваться на наш корабль?

Этот вопрос бородача несколько озадачил.

– Сэр, об эвакуации не может быть и речи! – он изобразил руками несогласный жест. – Груз, с которым мы направляемся к Земле, слишком ценен, чтобы бросить его на произвол судьбы. Нет, нет! Мы хотели бы, чтобы вы помогли нам восстановить работоспособность нашей двигательной уста-

новки. Если, разумеется, это в вашей компетенции. Кстати, а почему к нам на выручку не прибыл наш «Спейс дэвил»?

На это Володя сдержанно улыбнулся.

– Не хотел бы вас огорчать, уважаемый, но «Спейс дэвил» значительно уступает кораблям серии «Север-три» в скорости. А тут дорог каждый час. Вы можете предоставить нам своих техников, чтобы общими силами мы попытались восстановить работоспособность вашей двигательной установки?

Явно, огорчённый словами Максимова о сравнении скоростных характеристик нашего «Эльбруса» и их «Спейс дэвила», Джордж кивнул, и пояснил, что он лично, и ещё трое техников из его экипажа, охотно поработают с нашими спецами.

Тут же, не мешкая, мы начали «упаковываться» в скафандры для работы в открытом космосе. Сопя и пыхтя, нестандартно-крупный инженер-двигателю Сашка Заказов забирался внутрь своего «скафа».

– Слышь, Володя, а ты не в курсе, почему эту «баржу» могли назвать «Йеллоу кэт» – «Жёлтый кот»? – неожиданно поинтересовался он. – Это они от «избытка ума», или в этом есть какой-то особый смысл?

Усмехнувшись, Максимов рассказал о том, что, оказывается, ещё в эпоху парусного флота у английских (да и у каких-то ещё) моряков было поверье, будто коты жёлтой масти имеют некую магическую силу. Именно такого кота они и

старались взять к себе на борт перед тем, как отправиться в плавание, особенно, дальнее. Причём, матросу, который нашёл такого кота и доставил его на корабль, капитан прощал любое бывшее его прегрешение, любой его проступок. Во время плавания кот, как правило, занимался своим обычным кошачьим делом – истреблял корабельных крыс. И если круиз заканчивался благополучно, то кот целым и невредимым возвращался на берег, до следующего выхода в море.

– А если неблагополучно? – с нотками подозрительности в голосе осведомился наш главный любитель и защитник животных Андрей Букашагин, он же – главный спец по матчасти корабля (применительно к флоту – боцман).

– Если корабль попадал в сильный шторм, грозящий ему неминуемой гибелью, то бедолагу кота приносили в жертву духам моря – его выбрасывали за борт... Так что, парни, свою «баржу» американцы «Жёлтым котом» назвали из таких вот мистических настроений... – настраивая электронику «скафа» на работу в космосе, Володя покачал головой.

– Вот, уроды! – насупившись буркнул Андрей. – Ну и придумали же такое дурацкое жертвоприношение. И им это зверство, что, помогало?

На это Максимов пожал плечами.

– По этому поводу статистика мне неизвестна. Да и вряд ли кто-то её вёл. Но, мне так думается, спасти корабль это могло едва ли. Скорее всего, следом за бедолагой котом ко дну шло и судно со всем своим экипажем...

– Володя, а если парусное судно, наоборот, попадало в полный штиль недельки на две – на три, что они тогда выбрасывали за борт? Тоже ката какой-то масти? Например, чёрной? – с явной подначкой поинтересовался техник-эксперт Женька Аладдинов.

– Нет, тогда, намазав жёлтой краской, за борт выбрасывали капитана! – под общий смех за Максимова ответил штурман-навигатор Ромка Кузьмиченко.

...Менее чем через полчаса, облачившись в скафандры, вся наша команда выбралась из шлюзовой камеры в темень открытого космоса, разбавляемую лишь светом звёзд да лучами далёкого солнца, которое здесь смотрелось несколько меньшим, чем мы его видим с Земли.

Ступив на ажурные соединительные штанги, мощными электромагнитами намертво прилипшие к корпусу «баржи», мы перебрались на угрюмую громадину чужого корабля. Минут через пару, открылся люк шлюзовой камеры его пассажирского отсека, и к нам вышли четверо американцев. Вкратце обговорив с ними предполагаемый план совместных действий, все вместе мы отправились в кормовую часть. Идти по «барже» нам пришлось чуть не с полкилометра. Особенно неудобной для прогулки оказалась средняя, грузовая часть корабля, изготовленная из толстеного профильного металла в форме громадной цилиндрической корзины, занимавшей почти всё пространство между двигательным и пассажирским отсеками. Этот решётчатый «трюм» до пре-

дела был заполнен цилиндрическими контейнерами, по десять-двадцать кубов каждый. Едва я ступил на балки грузового отсека, как мой сканер-анализатор, который я захватил с собой, тут же уведомил о том, что в этом месте очень сильное альфа-, бета- и гамма-излучение. Было похоже на то, что американцы везли груз урановой, или какой-то ещё радиоактивной руды.

Команда техников-ремонтников, дойдя до дюзы ЯДУ, детально осмотрела камеру ионизации и излучателя лучистой энергии, светя компактным, но весьма мощным прожектором. Кто-то тестировал контрольными приборами те или иные характеристики ядерного топлива, кто-то проверял состояние энергетических контуров двигателя, состояние устройств, подающих рабочие плазма-капсулы в зону ионизации...

И вот, пока инженерные гении разбирались с двигателем, чтобы им не мешаться (всё же, моя специализация не «начинка корабля», а медицина и биологические угрозы), я, просто, гулял по корпусу «баржи». Получив предупреждение сканера-анализатора о чём-то биологическом, способном угрожать здоровью и даже жизни людей, я огляделся по сторонам. Но ничего похожего на клыкастых хищников, или там, вирусов, размером с кулак, в окружающем пространстве не наблюдалось. На какой-то миг даже появилось ощущение того, что прямо сейчас вдруг начнёт вздуться буграми и лопаться стенка корпуса двигательной установки. А из тре-

щин, дёргаясь и извиваясь, выберутся длинные чёрные щупальца наподобие осминожьих... Да-а-а!.. Это было бы ещё то зрелище! Но, нет, чего-то похожего ждать стоит едва ли... Тогда, в чём же суть объявленной электроникой биологической угрозы? Что собой она может представлять? Я в открытом космическом пространстве, тут почти стопроцентный вакуум, температура, близкая к абсолютному нулю... С чего бы вдруг?

– Что за чертовщина? – пробормотал я, перезагрузив устройство.

Но электроника вновь показала то же самое: высокая степень биологической угрозы неопределённого характера.

– Денис, что там у тебя? Ты нашёл что-то подозрительное? – услышал я голос Максимова.

Цокая магнитными ботинками, я подошёл к техникам и показал Володе монитор сканера-анализатора. Сбросив данные и, снова включив прибор, я увидел, что со стороны дюзы показатели угроз гораздо выше, чем там, где делал первоначальные замеры. Глядя на монитор, Володя даже присвистнул. Джордж обеспокоенно спросил:

– И что это может значить?

– Где тут у вас контрольные люки для осмотра подсобных механизмов двигательной установки? – вместо ответа спросил Максимов.

– Как и у всех – на боковой стенке корпуса... – Квинсли указал рукой. – Но мы ещё здесь не закончили!

– Ничего, сначала взглянем там... – отмахнулся Володя.

...Когда большущая прямоугольная крышка люка была откинута (благо мы в невесомости, а то нам бы её и не пошелохнуть!), мы заглянули в недра отсека. При свете прожектора всё, что мы смогли в нём увидеть, как будто, выглядело нормально. Обратив внимание на какие-то странные пятна на поверхности самого двигателя и большинства подсобных механизмов, я попросил выключить прожектор и включил ультрафиолетовый излучатель своего сканера-анализатора. И вот тут... Все оторопело замолчали, глядя в тёмные недра отсека, на ребристую громадину ЯДУ и всё прочее, внезапно засветившееся изумрудными красками. Где-то свечение было едва заметным, а где-то – сияло вовсю. Сканер-анализатор тут же выдал информацию о том, что уловил энергетику особо опасного для людей, животных и технических устройств плесневого грибка, способного существовать в условиях открытого космоса. Данный тип актиномицетов поглощает радиацию, которая стимулирует его развитие. Грибок своими выделениями разрушает даже самые стойкие металлы и пластические массы. Попав в живые организмы, особенно, с ослабленным иммунитетом, он может очень быстро их убить.

– Закрывай! – распорядился Максимов. – Всё ясно. Вы же, я так понимаю, разрабатывали астероид, добывали там радиоактивную руду? – поинтересовался он.

– Йес... – неохотно обронил Джордж.

– Вот, там вы и подцепили эту плесень, – констатировал Володя. – Она попала в двигательный отсек, размножилась и вывела ЯДУ из строя. Просто, чудо, что сами не заразились! Я так понимаю, после каждого выхода в космос, в шлюзовой камере вы проходили санитарную обработку? Вот это вас и спасло! Можно предположить, что на том астероиде радиофильная плесень обитает ещё со времён гибели Фаэтона. В общем, так, парни! Эту мерзость на Землю везти никак нельзя. Корабль и его груз подлежат утилизации.

– Да, вы понимаете, каковы могут быть последствия? Прежде всего, для нас, для нашего экипажа? – в голосе Квинсли звучали крайняя досада, горечь и даже тоска. – Корпорация с нас голову снимет! Да, даже если не снимет, мы, в любом случае, конченные люди. Чтобы лететь сюда, мы сами вложились по полной, наши семьи ждут, что мы привезём по мешку денег, что будем жить богато и счастливо... А на деле – что получается? Мы возвращаемся, и говорим: о-кей, ребята! У нас ничего нет. Кредиты гасить нечем, на работу нас больше никто не возьмёт, садимся и ждём голодной смерти. Тогда нам проще остаться здесь. Хотя бы семьи получают приличные страховки.

Выслушав его, Володя, развёл руками.

– Джордж, я вам сочувствую, но вы понимаете, какая может произойти жуткая катастрофа, попади этот грибок на Землю? Давайте, так... Мы сейчас свяжемся, каждый со своим руководством, всё им изложим, и пусть они там догово-

риваются меж собой. О-кей?

Как стало известно позже, на то, чтобы «разрулить» этот непростой вопрос, на Земле пришлось подключать к его решению сначала космические корпорации обеих стран, потом правительства, а потом даже комитеты ООН. Окончательное решение, пришедшее через несколько часов, было категоричным: корабль, несущий опасную инфекцию, следует развернуть в сторону открытого космоса – на Землю эта плесень попасть не должна, а ЯДУ «баржи» настроить на самоуничтожение. Убытки корпорации покроют страховые компании и спецфонд ООН. В дальнейшем, любые корабли, побывавшие в поясе астероидов, по возвращении теперь будут тщательнейшим образом проверяться на биологические угрозы.

– Ну, вот и всё! Вы летите с нами. – Максимов указал Джорджу на наш корабль. – Собирайтесь, и – на посадку.

– Но нас десять человек! – Джордж тягостно вздохнул. – Как мы все там разместимся?

– Ничего, как говорят у нас: в тесноте, да не в обиде. Уместимся! Не бросать же вас в этом космическом «холерном бараке»? – Володя чуть развёл руками.

Примерно, через час, экипаж «Йеллоу кэт» перебазировался к нам, на «Эльбрус». Как Джордж и предупреждал, в каюте стало очень даже тесно. Но... К неудобствам нам не привыкать. Да, похоже, и им. Впрочем, некоторые сложности усугубило одно, не совсем обычное обстоятельство. Ко-

гда, как и полагается капитану, Квинсли последним загрузился к нам, с собой, помимо кофра с личными вещами он притащил и какой-то большой «баул» с прозрачным окошечком, за которым что-то мелькало. И только когда он открыл эту непонятную ёмкость, стало понятно, что это – контейнер-скафандр, в котором находился... Крупный котяра жёлтой масти.

– Джентльмены, прошу простить, но бросить на «барже» Билла – живой талисман нашей команды, я никак не мог. Надеюсь, за это вы меня осудите не слишком сурово? – Джорж вопросительно взглянул на нас.

– Мы бы осудили, причём – о-о-о-чень сурово, если бы вы кота оставили там! – погладив Билла по голове, строго уведомил Букашагин.

В целом, мы с ним согласились полностью. Конечно, при запредельной тесноте в каюте, ещё и кот, был вовсе не подарком. Тем более, что пришлось налаживать его кормёжку и утилизацию продуктов кошачьего организма... Но, что уж теперь поделаешь? Выкручивались, как могли...

После запуска нашей ЯДУ, Володя включил режим малого хода. «Эльбрус», связанный с «Йеллоу кэт» причальными штангами, очень медленно начал разворачивать «баржу» (раз в триста, а то и больше, превосходящую массу спасательного корабля) в сторону внешнего космоса. На это ушло часа два. Когда электроника уведомила о том, что «Йеллоу кэт» получил достаточно мощный импульс, и те-

перь уже никогда не полетит в сторону Земли, штанги были убраны, и корабли отправились каждый, в свою сторону. Где-то, через полчаса, позади нас ярко полыхнула синеватая звёздочка ядерного взрыва...

... Суток через пять мы были уже на околоземной орбите. Когда мы, наконец-то, смогли покинуть каюту своего корабля, я понял, что только таким и может быть настоящее «боевое крещение». Отправившись к «Йеллоу кэт» стажёром-«желторотиком» (как по старой лётной традиции в КСС именуют «необстрелянных» первогодков), из полёта я вернулся уже зрелой, да простят мне это бахвальство, «птицей высокого полёта». То бишь, как и обещал мой школьный друг Костя Кубышкин, орлом!

Кто такой Костя Кубышкин? О-о-о, это особая история.

За дни, месяцы и годы до этого события. ... Помню, как сейчас: мы уже второй день болтаемся на околоземной орбите. Мы – это дежурная команда КСС, Космической службы спасения. Нас шесть человек. В их числе и я, буквально вчера прибывший на стажировку выпускник УЛКС. Мы в постоянной готовности, в любой миг ждём сигнала тревоги. А он может поступить когда угодно, даже в самый неподходящий момент. Например, ты только собрался перекусить, как... Вот именно – звучит долгое «У-У-У-У-У-У...» в тональности «соль-минор», что означает: тревога, свистать всех наверх. И тебе уже не до еды, надо срочно отбывать к месту (неважно какого – большого или маленького) ЧП. А ЧП, оно

и на каком-нибудь Альдебаране – ЧП... Кстати, насчёт Альдебарана – это я ляпнул, так сказать, для «красного словца». Увы! Нам он ещё пока не «по зубам». Даже на наших современных кораблях с ядерной двигательной установкой туда лететь о-о-о-о-очень долго... Даже трёх жизней не хватит.

Впрочем, что сетовать на внезапные тревоги? Это нормально для того, кто стал космическим спасателем. Это я понял ещё во время учёбы в УЛКСе. У нас жаловаться на судьбу, плакаться по поводу всех возможных трудностей, лишений и рисков, не принято. А иначе и быть не может – космос не терпит слабых. Что ещё я усвоил во время своей стажировки – космос суров, порой непредсказуем, и даже коварен. Сейчас конец двадцать первого века, и человечество овладело весьма большими скоростями перемещения в космосе. Правда, надо полагать, с точки зрения представителей тех цивилизаций, что запросто пересекают нашу Галактику поперёк или по диагонали на гиперсветовых скоростях за считанные земные минуты, мы всё ещё ползаем в своей «детсадовской песочнице». Да-а-а... Для них мы всё ещё несмышлёная мелюзга (потому-то, наверное, они с нами и поныне знакомиться не спешат). Впрочем, следует думать, что не только у нас, но и у них, сверхразвитых, тоже случаются форс-мажоры? Наверное, и они не обходятся без своих спасателей?

Кстати, знакомые меня частенько спрашивают: не сталкивался ли я в космосе (хоть ближнем, хоть дальнем) с пред-

ставителями иных миров? Лицом к лицу, конечно не сталкивался. Но однажды, ещё в мою бытность стажёром, нашему экипажу довелось пережить нечто загадочное, и ощутить нечто необычное. Было, было... Как-то раз по срочному вызову мы направлялись в сторону Луны, чтобы в точке либрации имени французского математика Лагранжа (место, где притяжение Земли и Луны имеет равную силу) помочь экипажу экспериментального туристического корабля ЕКА, оказавшемуся в трудной ситуации. Во время полёта к лунной орбите его электронику отчего-то вдруг поразил непонятный паралич. Но когда мы прибыли к терпящим бедствие, то и с нами произошло то же самое. Наша электроника тоже отчего-то вдруг задурила. Пока наши электронщики искали причину неполадок, в какой-то момент я вдруг ощутил, что кто-то неизвестный начал шарить в моей памяти, как в своём собственном кармане. Такое, знаете ли, не слишком приятное ощущение. Мне оно очень не понравилось. Теряясь в догадках, я мысленно спросил неведомого нахала: кто и какого беса своевольничает, роюсь в моих мыслях? И, что бы вы думали? Тут же в моей голове прозвучал чей-то ответ:

– Не волнуйтесь! Всё будет хорошо!

Этот бесцеремонный нахалуга рыться в моей голове прекратил, электроника корабля в тот же миг снова заработала. Тут же нам сообщили и европейцы:

– Господа, у нас всё в порядке! Электроника работает, аварийная ситуация разрешилась сама собой. Миль пардон за

ложный вызов.

И что бы это могло быть? Спросил я наших парней – не ощущали ли они последние несколько минут чего-то странного? Как оказалось, у всего нашего экипажа в голове похозяничали неизвестные, которые бесцеремонно шарили по самым укромным уголкам воспоминаний. Но никто кроме меня об этом вслух говорить не стал, потому, что каждый думал, будто это случилось лишь с ним одним. Ну, чтобы все прочие не подумали, будто именно у него началось общеизвестное «ку-ку». И вот, лишь когда я по своей практикантской наивности ляпнул вслух то, о чём молчали все прочие, стало понятно: и европейцы, и мы оказались в поле зрения неких созданий, для которых мы, наверное, не более чем, забавные приматы, возомнившие себя покорителями космоса.

...Да, хотим мы того или нет, но мир стремительно летит из прошлого в будущее. Благодаря развитию техники, ещё лет пятьдесят назад полёты на Луну стали банальной обыденностью, на Марсе уже не первый год работают исследовательские станции. Появляются они уже на Венере и Меркурии, а к спутникам Юпитера и Сатурна периодически отправляются научные экспедиции. А ведь всё началось не так уж и давно – в первой половине нынешнего века, когда наши, российские учёные разработали ядерный двигатель нового поколения, искусственную локальную гравитацию, а потом ещё и плазменную защиту космических аппаратов от метеоритов и радиации. Ну а уж когда медицина сумела свести к

нулю пагубные последствия длительного пребывания в космосе, начался настоящий космический бум. Это можно было бы сравнить лишь с переходом от воздушных шаров-монгольфьеров к реактивным самолётам и космическим кораблям.

Вот, кстати, в ту-то пору перехода от космической романтики к космической индустрии и была в срочном порядке создана наша КСС. Уже на первых порах работы у нашей службы было в избытке. Тут, и помощь экипажам кораблей, а также исследовательских станций, и сбор технического мусора на околоземных орбитах, и перехват разной величины булыжников, залетающих «в гости» из дальнего космоса... А они, между прочим, наведываются не так уж и редко. Одни из каменных «визитёров» – с полтонны весом (таких побольше), другие – с тысячетонную скалу. Этих – поменьше, но уж если такой проморгать, то бед он может натворить немало. Так что, сложа руки мы не сидим, даже когда, вроде бы, и делать-то совсем нечего...

Конечно, работа у нас, в основном, рутинная, как у заурядного земного дворника (утром встал, бороду расчесал, взял метлу и – за дело!). По правде говоря, мне, когда я шёл поступать в УЛКС (университет лётного космического состава), грезились дальние полёты, чуть ли не за орбиту Плутона, исследования на спутниках Юпитера и Сатурна... Собственно, в космонавтику, на факультет КСС, меня сманил мой бывший одноклассник, упоминавшийся выше Костя Ку-

бышкин (фрондёр, бузотёр, прожектёр и, просто, чертяка, каких поискать!), который о космосе мечтал чуть ли не с пелёнок. До сих пор помню все его доводы:

– ...Денис, ты себе даже не представляешь, что такое космические спасатели! Старик, это – романтика, риск, приключения, подвиги, в конце концов... Был ты скромным Бекасом (моя фамилия Бекасин, отсюда и такое школьное прозвище), а станешь – настоящим космическим орлом!!! Ну, решайся!..

Ну и клюнул я на его удочку, уговорил меня этот змий-искуситель Костя. Поступили мы с ним в УЛКС. А когда отучились первый семестр, и стало ясно, что рутины в работе космических спасателей не меньше, чем, скажем, у тех, кто «пашет» в ПКК (промышленные космические корпорации, добывающие полезные ископаемые в поясе астероидов), змий-искуситель Костя тут же разочаровался в космонавтике, и перешёл в университет океанологии. Свой выбор объяснил мне так:

– ...Денис, какая разница между космосом межпланетным и гидрокосмосом земным? Тут ещё вопрос, где больше романтики: там, или здесь... Кстати, старик, может, и ты к нам перейдёшь?

Ну, уж, нет! Хватит! Один раз ты меня уже уговорил. Буду учиться до конца. Тем более, что после второго семестра, говорят, у нас уже будет практика на одной из «орбиталок». В ближнем космосе побываю – уже здорово!

Вижу – в душе куснул Костя локотки, но виду не подал. На том мы с ним и расстались. Нет, не навсегда. Время от времени общаемся. Я ему рассказываю про свою работу на «орбиталке», он – про свои вояжи на дно Марианской впадины... А там тоже, если верить его рассказам, много чего интересного можно увидеть. Там и гигантские кальмары, и трёхтонные омары, и ящеры, обитающие в подводных пещерах... Да, всё это впечатляет. Но... С космосом всё равно не сравнить!

...Мне навсегда запомнился, мой самый первый полёт на орбиту. Это было «что-то»! Мы, двадцать парней и пятеро девчонок, мчимся в бесшумно летящем магнитобусе в космопорт. Его видно издалека: над зелёной стеной леса, на фоне неба, в зенит нацелились раритеты прошлого века – от воссозданного гагаринского «Востока-один», до последних моделей ракет и кораблей уже века нынешнего («Союз», «Ангара», «Енисей» и прочие). Всё это теперь музейные экспонаты былого утра космической эры.

Мы одеты в лёгкие скафандры автономного жизнеобеспечения, поднимаемся в ракетоплан, установленный на летающей платформе, похожей на гигантского морского ската. Волнуемся, хотя виду никто не подаёт. А то ж! Если заметят дрожь в коленках, могут и с полёта снять. Но, в любом случае, ощущение то же самое, что и перед первым прыжком с парашютом...

И вот, под нами что-то слегка вздрагивает, и земля, вме-

сте со всем, что мы видим через иллюминаторы, начинает стремительно уходить вниз. Нас вдавливают в кресла, и наша платформа, подгоняемая мощными электромагнитами, мчится вперёд и вверх, всё быстрее и быстрее. Стремительно пробив облака, мы возносимся к небу, которое из синего постепенно становится фиолетовым. А потом ракетоплан отрывается от платформы, и уже самостоятельно возносится к чёрно-фиолетовому ближнему космосу, оставив далеко-далеко внизу сияющий мягким светом голубой шар Земли...

Уже давненько это было... Теперь на орбиту и с орбиты я летаю достаточно часто – работа такая. Если нет ЧП в дальнем космосе, чистим от техногенного хлама ближний, околоземное пространство. Кстати, уже сколько времени ведём эту генеральную уборку, а мусор всё не кончается, и не кончается. О, захламили космос! Вот так жизнь и идёт: неделя – на орбите, неделя – на земле.

...Но, вернёмся к истории с «Йеллоу кэт». Сразу после нашего возвращения на Землю началось такое! Нашу команду, чуть ли не на клеточном уровне, изучало и обследовало несколько комиссий медиков-инфекционистов. Потом несколько раз заслушивали на самых разных специальных комиссиях в «Главкосмосе»... Сообщение об опасной, радиофильной плесени всколыхнуло информационное пространство всего мира. В СМИ появилось изрядное множество, как реалистически-аналитических, так и бредово-фантастических материалов на эту тему. Американская корпо-

рация – хозяйка «баржи», страховые выплаты получила. Не остались внакладе и члены экипажа «Йеллоу кэт». На бесконечных интервью различным СМИ они неплохо разбогатели (так что, зря Квинсли паниковал!). А потом, силами Голливуда, про них был снят ещё и документально-художественный фильм... Про то, что помочь американцам прилетели именно российские спасатели, что удивительно, создатели киношки, пусть и скороговоркой, но упомянули. Смотрел я этот «шедевр». Ну, что сказать? Средненький кино-ширпотреб на космически-ковбойские темы, где крутые янки сильнее и умнее всех...

Кстати, свою порцию мировой славы получил и кот Билл. Его не только сняли в фильме про приключения экипажа «баржи», но и создали отдельную картину для западных кошатников, которую назвали «Усатый астронавт». Несколько позже, когда наша служба уже вошла в привычно-рутинную колею, в один из дней Андрей Букашагин предложил Максиму:

– Володя, а что, если и нам завести свой, так сказать, живой талисман? Например, кота. Мы бы назвали его, скажем, Сириусом... Или, там, Пегасом... А?

Измерив его изучающим взглядом, Володька язвительно изрёк:

– А чего мелочиться-то? Андрюха, кот – это, уже, неактуально. Кого им удивишь? Уж, завести, так – слона! Или, на худой конец, жирафа, там, носорога... То-то прославимся на

весь мир! Только тогда нашу службу из космической надо будет переименовать в комическую.

Огорчённо вздохнув, эту тему Букашагин больше не затрагивал...

* * *

Глава 2

ПЛЕННИКИ ЦАРСТВА ТРОЛЛЕЙ

В общем, и не думали мы в ту пору, и не гадали, что пройдёт меньше чем полгода после нашего полёта на выручку «Йеллоу кэт», как нам снова доведётся отправиться в ту же сторону, только ещё дальше – к планете, носящей имя древнеримского бога войны. То есть, к Марсу.

Надо сказать, последние лет двадцать на Марсе, в разных концах этой планеты, начали работу две наши постоянные исследовательские станции. Американцы, тоже, обзаведясь кораблями с ЯДУ и плазменной защитой, отправили туда аж три экспедиции. Несколько позже там обосновались (не без содействия России) некоторые страны БРИКС, потом – ЕКА с Японией и ещё несколько стран.

На Луне, кстати, сейчас не протолкнуться. Там уже и научно-исследовательские станции, и всевозможные производства, и даже гостиничные комплексы для космических туристов. Благо, странам удалось договориться меж собой не гадить на спутнице Земли, а ещё, не вести никаких масштабных промышленных разработок. Почему? Из хорошего, благородного принципа: не буди лиха! На Луне, как ни вер-

ти, мы всего лишь гости. А кто там хозяева, и что они о нас думают – мы пока вообще ещё не знаем. С нами на контакт они не идут. Но они есть, и это дисциплинирует даже самых отвязных и «крутых».

...Ещё во времена первых полётов на Луну случился один занятный казус. С восьмидесятых годов двадцатого века, некий американский «Остап Бендер» надумал продавать участки лунной территории. Ну а граждане, располагавшие лишними деньгами (при одновременной нехватке мозгов!), кинулись их раскупать. Потом объявился ещё один торговец Луной... И когда на наш спутник отправились первые экспедиции, «собственники» начали возмущаться: не смей совершать посадку на частных территориях! А то, мол, по судам затаскаем. Ну, на них понятное дело, ноль внимания. Так они и в самом деле побежали по судам! Но, после не слишком долгих препирательств и разбирательств, «собственники» получили самый полный «отлуп». В правовом смысле их претензии были признаны равными нулю. Кстати, современные «Остапы Бендеры» уже давно торгуют и Марсом, и Венерой, и даже уже начали поторговывать Меркурием, а также спутниками Юпитера и Сатурна...

Так вот, о ситуации на Марсе. На каждой из наших, российских станций, работает по полсотни человек. Вахта у них длится около года. Потом их сменяют другие. Впрочем, есть и те, кто остаётся там на постоянное проживание. А после того, как на международном уровне было решено воссоздать

марсианскую атмосферу, и команда учёных из разных стран занялась этой проблемой, народу на Марсе прибавилось ещё больше. Идею учёные выдвинули такую: газы, которые будут пополнять остатки былой марсианской атмосферы, частично можно получать за счёт электролиза воды, имеющейся в недрах Марса. Для этого нужно поставить компактные, но мощные АЭС на супер-нейтронах, способные использовать даже природный, первично очищенный уран, торий, нептуний – любой актиноид. А этого добра, как уже успели выяснить экспедиции, на Марсе в достатке. И пусть эти АЭСки денно и нощно работают, выдавая в атмосферу Марса тысячи, если не миллионы кубометров кислородно-водородной смеси.

А ещё было решено начать транспортировку аммиака со спутников Юпитера. Предполагалось изготавливать из суперпрочных полимерных плёнок громадные (до кубокилометра!) ёмкости, заполнять их газом, и буксировать к Марсу. А уже у места назначения аммиак следовало разлагать на исходные азот и водород. Как вариант, рассматривался вопрос буксировки к Марсу комет, состоящих из водяного и аммиачно-метанового льда.

Помимо всего этого, учёные начали выводить новые виды лишайников, способных не только выживать в условиях Марса, но и давать бурный прирост биомассы планеты, выделяя углекислый газ. В общем, пусть до яблонь, цветущих на Марсе, что обещалось в песне времён первых полётов в

космос, и сегодня ещё далековато, но, похоже, цветущие лишайники скоро могут стать тамошней обыденностью.

Так вот... Всё бы оно ничего, но однажды, когда сотрудники одной из наших станций уже начали подбирать место для установки первого реактора, случилось очень даже нехорошее «ЧП». Двое геологов (точнее, марсологов), отправившись к гряде скал в десятке километров от станции на электрическом марсомобиле, назад, почему-то, не вернулись. Они, просто, внезапно исчезли, хотя находились на постоянной видеосвязи с базой. Бродя по скалам, учёные повествовали о своих наблюдениях. И вдруг, оба разом замолчали, картинка на мониторах исчезла. Поняв, что произошло нечто экстраординарное, на станции забили тревогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.